

18.45.45 - 98
Студия театр
"Суббота"

Ю.87
Ленинград

Ленинградская Правда
г. Ленинград

24 ОКТ 1987

я правда

24 октября 1987

ПАНОРАМА

ОДНОЕ ВРЕМЯ

ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ РАБОТЫ

Где твои семнадцать лет?..

МОЛОДЕЖНЫЙ театр-клуб «Суббота» категорически не желает взрослеть. Его уже и в ветераны любительского театрального движения зачислили, и в самом движении со всех сторон подталкивают юные и бойкие новички, и пора, назалось бы, успокоиться и обрести взрослые, спокойные черты. Но на циферблате «ветерана» стрелки времени, вращаясь и дрожа, всегда показывают примерно одно и то же число. Семнадцать! Настоящее время мчится вперед, а их театральное время все кружится и кружится вокруг этой отметки. Все тебе семнадцать лет, «Суббота»!

Театр-клуб начинался в самом конце 60-х. Время, когда воскресенье было единственным выходным, а значит суббота — любимым днем. День накануне праздника! День между буднями и воскресеньем! Переходный день! День (вернее, вечер), когда можно собраться в кругу друзей с великолепным (и, увы! — переходящим) ощущением, что тебе — семнадцать, жизнь как праздник, и все — вперед!

Когда люди это ощущение теряют — они из этого театра уходят. В другую жизнь. Взрослую. А эта? А эта жизнь нигде не исчезает, она продолжает петь, плакать и смеяться, прыгать на подмостках «Субботы».

Каждый театр, как и человек, имеет свою походку. Одни всегда бодро шагают в ногу с временем, в нужный момент меняя шаг. Другие шествуют важно, солидно, значительно. Некоторые проносятся по подмосткам времени и сгорают, не успев повзрослеть. У «Субботы» своя походка, которая не меняется с течением лет. Ее называют «прыг». Не прыжок, а именно «прыг», так здесь произносят.

«Субботе» уже семнадцать — и ей всегда семнадцать. Это ее закодированный возраст. Возраст, когда детство еще памятно, можно вдохнуть поглубже воздуха, разбежаться — и подпрыгнуть. Это — не прыжок профессионала с завершенностью и отточенностью линий. Это — бестрашный дилетантский «прыг» любителя, не боящегося ни срыва, ни нелепости, ни падения, страшщегося лишь одного — фальши. Это стиль «Субботы», ее пластик, ее самоощущение.

В последние годы «Суббота», случалось, замедляла свой шаг, сбивалась с «прыгающего» ритма — она горевала по времени своего рождения. Эта ностальгическая нота заглушала все остальные. Поэтические композиции «Окна, улицы, подворотни» и «Пять углов», вышедшие из предыдущих десятилетий, все возвращали и возвращали нас обратно к ним — мальчикам и девочкам из прожитых лет, которые сегодня стали взрослыми. Эта ностальгия по ушедшему времени жила не только в городских зарисовках «Субботы», объединенных в цикл «Ленинградские заставы». Она

была во всем. «Суббота» поставила «Трех товарищей» Ремарка, рассказав об этих юношах — об их дружбе, их вере, их кодексе чести.

Сегодня на улицы (а также на площади и в подворотни) пришли другие ребята. И «Суббота» пустила их на свои подмостки: жестких и насмешливых, практичных и неприкаянных. Она им сказала: играйте! И мы увидели их в новом спектакле «Козлова и Курицына», сочиненном и поставленном руководителем театра-клуба Ю. А. Смирновым-Несвицким.

И вот эти новые ребята стали героями «субботопской» марки: романтиками и идеалистами с чистыми и ломкими голосами, смутными надеждами и первыми потерями. Девочка-Лула (С. Боровская) — голубоглазая любительница живописи и цветов. Лось — изобретатель (А. Василевский), двухметровый взлохмаченный дитя с круглыми изумленными глазами, рассекающий пространство своими невероятными прыжками. Юра — человек будущего (Ю. Кудров), мчащийся на велосипеде в огненно-оранжевом комбине-

зоне. Курицына (Е. Сапронова) — бывшая мечтательница и попрыгунья, у которой все попытки полета к ее тридцати годам почему-то кончались падением. Козлова (Н. Марус) — ее подруга, преданно берегущая за ней и берегущая ее с недостижимой высоты своих семнадцати лет, смешная шепелявая «Козлова» в ситцевом платье в горошек, которую саму-то надо беречь...

И еще один невидимый герой есть в этом новом спектакле. Постоянный персонаж «Субботы» — Ленинград. Город со своей жизнью, с его улицами, подворотнями, набережными, дождями, туманами, островами... Этот городской пульс бьется во многих спектаклях «Субботы». Здесь умеют так произнести слова «Васильевский остров» или «Нарвские ворота», что кажется — будто это о человеке сказано. И в самом деле, город в театре очеловечен: он живет в мальчиках и девочках, — его населяющих, в их песнях. В их семнадцатилетних неудачах, и в семнадцатилетних ожиданиях...

«Суббота» категорически не желает взрослеть. В этом, может быть, и ее драма. Но — и ее — только ее — лицо. И обаяние. Может быть, в этом — «подложка», где она порой спотыкается и падает. Но кто знает — не в этом ли источник ее «легкого дыхания» и внезапных прыжков?..

О. СКОРОЧКИНА

